Вх
601

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ВЪ РЕДАКЦІЮ

„ДУХОВНАГО ВѢСТНИКА“,

по поводу послѣднихъ бесѣдъ со старообрядцами въ Спб. (съ 29 декабря 1896 г. по 9 января 1897 г.), Профессора **Н. И. Ивановскаго.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1897.

3533 1

3533

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ВЪ РЕДАКЦІЮ

„ДУХОВНАГО ВѢСТНИКА“,

по поводу послѣднихъ бесѣдъ со старообрядцами въ Спб. (съ 29 декабря 1896 г. по 9 января 1897 г.), Профессора **Н. И. Ивановскаго.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1897.

Лг

Пров. 1959

ВХ
601

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 4 апрѣля 1897 года. Цензоръ Архимандритъ *Меѳодій*.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
460
59

Извлечено изъ №№ 9 и 11 С.-Пет. Дух. Вѣстн. за 1897 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ВЪ РЕДАКЦІЮ

„ДУХОВНАГО ВѢСТНИКА“

По поводу послѣднихъ бесѣдъ со старообрядцами въ С.-Петербургѣ.

Подъ вліяніемъ тѣхъ впечатлѣній, какія пронеслись въ моей душѣ за двѣ недѣли пребыванія моего въ С.-Петербургѣ, не могу чрезъ ваше почтенное изданіе не написать, что чувствую по адресу и представителей Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, и петербургскихъ жителей вообще, и въ частности старообрядцевъ, съ которыми мнѣ пришлось и не пришлось бесѣдовать.

1) Вамъ, какъ предсѣдателю Общества и другимъ представителямъ онаго,

сказать многаго нечего. Вы дѣлаете большое и многоплодное дѣло и дѣлаете его съ радостію, а не воздыхающе. Помимо любезнаго ко мнѣ вниманія и выраженій благодарности, не только душевно меня тронувшихъ, но и смутившихъ,— сколько потрачено лично вами и ближайшими сотрудниками вашими усилій и трудовъ, сколько испытано безпокойства и хлопотъ по упорядоченію дѣла собесѣдованій! Здѣсь, какъ говорится, и невозможно было шить «всякое лыко въ строку». Иные могли быть не довольны вами и обидѣться, но нельзя же въ громадномъ стадѣ знать «всякую птицу по полету», невозможно знать всѣхъ и всякому отвести подобающее мѣсто. Надѣюсь, что и огорченные недостаточнымъ, какъ имъ казалось, вниманіемъ, или отсутствіемъ предупредительности—все могло случиться,—забыли о семъ, а вамъ не вижу надобности говорить о терпѣніи, о которомъ столь свойственно знать пастырямъ церкви и другимъ энергичнымъ труженикамъ, работающимъ во благо ея. Мнѣ же, какъ члену Общества, слѣдуетъ не

только благодарить, этого мало, но радоваться о всемъ, что пришлось видѣть и слышать и смиренно преклониться предъ благодѣющею рукою Промысла Божія. Примѣрный порядокъ, послушаніе по единому призыву тысячной массы приводили меня въ умиленіе.

2) Что сказать ей, этой тысячной массѣ, собиравшейся тѣсною стѣною на улицахъ, около дверей, и жаждавшей,— видимо буквально жаждавшей—послушать, что будетъ говориться за стѣнами величественнаго зданія, сооруженнаго благодѣющею рукою православнаго русскаго человѣка. Интересъ возбужденной массы народа превосходилъ, повидимому, всякое вѣроятіе. Во имя чего же приходили? Ради чего тѣснились и толкались и даже придумывали не настоящіе билеты для входа? Ужели только одно праздное любопытство влекло эти массы народа, видѣть и послушать, какъ ведутся пререканія о перстахъ, или даже и о вѣчности священства и тому подобномъ, послушать только, и не болѣе, какъ противники поражаютъ другъ друга,

къ какимъ діалектическимъ пріемамъ прибѣгаютъ? А между тѣмъ мы видѣли въ залѣ кромѣ духовенства, съ преосвященными во главѣ, и учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ и послѣднее должно быть интересно, видѣли военныхъ генераловъ, профессоровъ, иныхъ высоко образованныхъ мужчинъ и женщинъ, а за ними—людей средняго образованія и развитія до простецовъ, едва грамоту знающихъ. Заглянуть въ душу каждаго, конечно, мы не въ силахъ, но не можемъ во всемъ этомъ не замѣтить проснувшагося въ столичномъ обществѣ вниманія къ вопросамъ религіознымъ и къ интересамъ Церкви.

И это—слава Богу!

Мы въ Петербургѣ заканчивали свое школьное образованіе въ шестидесятыхъ годахъ, кружились въ водоворотѣ тогдашнихъ модныхъ понятій и стремленій, знали о противоправительственныхъ демонстраціяхъ и о жертвахъ этихъ увлеченій, видѣли страшные петербургскіе пожары 1863 года, слышали эхо отъ взбунтовавшихся польскихъ шаекъ,

сообщеніямъ и разсказамъ обо всемъ этомъ не было и конца. Что, если бы тогда, во дни нашей еще школьной жизни, какой нибудь весьма талантливый профессоръ, или иной кто,—человѣкъ задушевный, съ гораздо бо̀льшими свѣдѣніями и съ примѣрнымъ искусствомъ, выступилъ предъ тогдашнимъ обществомъ съ бесѣдами по тѣмъ вопросамъ, съ какими приходится намъ выступать? Кто встрѣтилъ бы его съ горячимъ сочувствіемъ? Скажу даже менѣе, кто отнесся бы къ его труду, по крайней мѣрѣ, съ тонкою деликатностію и уваженіемъ? Можно навѣрное сказать, что зало, подобное залу Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, оказалось бы пустымъ, и лекторъ, вѣроятнѣе всего, мало сказать — остался бы не замѣченъ, а просто былъ бы осмѣянъ, какъ человѣкъ, пришедшій говорить о глупостяхъ. Не тѣмъ тогда интересовались, не тѣ цѣли преслѣдовали. Тогда болѣли горячкою вопросовъ соціальныхъ, стремились открыть философскій камень, какъ устроить полное всеобщее счастіе на землѣ. Изъ обла-

сти же метафизической, богословской волновались наглядным, вполнѣ разсудку доступным разрѣшеніем вопросовъ самыхъ коренныхъ, составляющихъ несомнѣнныя истины для человѣка вѣры. Съ полнымъ скептицизма настроеніемъ занимались вопросами: есть-ли Богъ на небѣ, есть ли безсмертіе человѣка и т. п. И это бы еще ничего; но худо было то, что всякій въ положительномъ смыслѣ и съ живою увѣренностію говорящій о Богѣ и о безсмертіи, о будущемъ призваніи человѣка, слылъ за глупца, за ретрограда, за гасильника просвѣщенія, прогресса и счастія. На мѣсто алтаря разрушаемой вѣры хотѣли воздвигнуть алтарь опытныхъ знаній, отрицающихъ все, что выше опыта, все, чѣмъ занята душа, что видится окомъ ума, что составляетъ требованіе (постулятъ) сердца. Восхищались тѣмъ, о чемъ скорѣе нужно было плакать,—что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, что особенной, Богомъ вдохнутой, безсмертной души въ немъ нѣтъ, стремились развѣнчать лучшее изъ твореній Божіихъ, олицетворяющее связь неба

съ землею. Въ соціальной жизни жили фантазіями, восторгались коммуною, чаяли всеобщаго уравненія и т. п. Толкнутая на лживый путь жизнь съ ея фантастическими идеалами, вслѣдствіе фактической невозможности ихъ осуществленія, при неудержимой горячкѣ, при какихъ-то одурманенныхъ порывахъ, породила государственную крамолу... Крайне болѣзненное состояніе достигло своихъ предѣловъ и завершилось страшною трагедіею 1 марта 1881 года.

Годъ спустя послѣ злосчастнаго дня, мы писали: «кровь христіанъ была нѣкогда сѣменемъ новыхъ христіанъ. Кто знаетъ? и кровь царя-мученика за порядокъ и счастіе Россіи не послужитъ ли сѣменемъ для людей порядка, заботящихся о счастіи страны. Нѣкогда на гробницахъ христіанскихъ мучениковъ устроялся престолъ Христовъ. Кто знаетъ?... Будемъ желать, стараться и вѣрить, что и на костяхъ царя-мученика мало-помалу созиждется алтарь вѣры и вѣрности долгу, любви къ правдѣ и порядку» [1]).

[1]) Воспоминаніе о мученич. кончинѣ императора Александра II. Казань. 1884 г.

Это, какъ намъ кажется, именно и случилось. Наступила реакція безумной вакханаліи: сперва послѣ сильнаго потрясенія нервовъ, послѣ ужаснаго озноба злокачественной лихорадки, почувствовалось какое то отупѣніе, потомъ стали оправдываться и приходить въ себя, а въ концѣ обратились къ той же Церкви, которую предъ тѣмъ попирали ногами. И вотъ теперь мы—свидѣтели радостнаго разсвѣта. Теперь каждый идущій и ѣдущій мимо церкви снимаетъ шапку и крестится.

Этимъ то жизнерадостнымъ, въ духѣ христіанскаго смиренія и вѣры, перерожденіемъ объясняю я и тотъ интересъ, съ какимъ слушались наши бесѣды со старообрядцами. И грѣхъ намъ будетъ, если мы своею черствостію и равнодушіемъ потушимъ искру Божію, если мы, въ порывахъ односторонняго увлеченія, доведемъ въ томъ или иномъ видѣ какую либо внѣшнюю форму до крайности и исключительности,—форму, которая никогда не вмѣститъ всей полноты святой, всеобъемлющей христіанской идеи, и тѣмъ воспитаемъ недо-

вольство и вызовемъ новую реакцію. Въ этомъ случаѣ законы исторической жизни неумолимы. Итакъ, въ зало собесѣдованій стекались слушать именно бесѣды о Церкви, спасающей человѣка, приходили познавать и видѣть силу Церкви и ея торжество надъ сектантствомъ въ разнообразнѣйшихъ его видахъ и проявленіяхъ.

Правда, очень вѣроятно, что не всѣ ради этой высокой цѣли приходили, иные приходили изучать и воочію посмотрѣть другую сторону. Ни для кого не секретъ, что и теперь есть въ обществѣ не малое число людей, сочувствующихъ сектантству, какъ чему-то лучшему, по убѣжденіямъ, а особенно по жизни, какъ явленію болѣе искреннему и задушевному и потому симпатичному. Таковые приходили, быть можетъ, посмотрѣть на этихъ, пользующихся ихъ сочувствіемъ людей, посмотрѣть, каковы они не по образовавшемуся подъ разными вліяніями ихъ взгляду, а на самомъ дѣлѣ: насколько возвышенны ихъ убѣжденія и упорядочено ихъ поведеніе, насколько они прямодушны, добры и

откровенны, насколько ярко сіяетъ въ нихъ свѣтъ духовный. Что же? И это хорошо! Хорошо узнать человѣка не со словъ другихъ, не по книгамъ, или газетамъ, а увидѣть его непосредственно, глазъ на глазъ, каковъ онъ есть. Одинъ высокообразованный человѣкъ говорилъ намъ, что на собесѣдованіяхъ онъ мало обращалъ вниманія на сущность вопросовъ, коихъ не понималъ въ достаточной степени, а наблюдалъ за тѣмъ, какъ держали себя, что и какимъ тономъ говорили старообрядцы, какъ старались уклоняться отъ вопросовъ, какъ требовательны были въ мелочахъ, какъ, повторяя одно и то же, не слушали и, видимо, не желали слушать предлагаемыя объясненія. Ознакомленіе и съ этою стороною, если не имѣетъ значенія строго церковнаго и миссіонерскаго, то можетъ принести не малую пользу общественную, направивъ, какъ должно, общественное мнѣніе. Люди серьезные легко поймутъ по однимъ бесѣдамъ, по тому, что видятъ и слышатъ, какіе это—агнцы незлобивые, постоянно говорящіе о гоненіяхъ

на нихъ. Увидятъ они на самомъ дѣлѣ, что эти люди, столь любящіе выставлять напоказъ свое терпѣніе и обличающіе другихъ въ нетерпѣливости, постоянно наносятъ укоры и оскорбленія, мало стѣсняясь въ выраженіяхъ; съ какимъ тщаніемъ подыскиваютъ они что-либо рѣзкое и неточное въ прежнихъ книгахъ полемическихъ, особенно въ Дѣяніяхъ собора, ими нетерпимаго, предками ихъ собору Каіафы уподобляемаго; когда найдутъ что-либо подобное, изъ устъ ихъ слышатся громкія и крайне рѣзкія выраженія: «соборъ 1667 г. оболгалъ апостоловъ», и повторяются эти выраженія нескончаемое число разъ, точно они нашли въ этомъ для себя камень спасенія. Подмѣтятъ-ли смѣхъ въ народѣ,—хотя и сдержанный, и улыбку собесѣдника, сейчасъ-же рѣзко и съ настойчивостію заявляютъ, что вотъ при разсужденіяхъ о предметахъ священныхъ смѣются,—не желая знать того и вниманія не обращая, что сами-же они и породили этотъ смѣхъ своими наивными отвѣтами, или еще болѣе наивными возраженіями, которыя уничтожа-

лись буквально двумя-тремя словами, мѣтко сказанными. Если-же въ чемъ-нибудь обмолвишься, сейчасъ-же подмѣтятъ и, мало подмѣтятъ,—что еще пожалуй и хорошо,—а явятся съ ѣдкими, ироническими назиданіями, возвысивъ голосъ, причемъ не рѣдко услышишь: «ты сказалъ то-то, ты лжешь»; а къ этому и клевета примѣшается въ родѣ того: «ты, Николай Ивановичъ, въ прошедшій разъ сказалъ такъ, а не такъ, какъ теперь говоришь; видно, что ты не правъ». А между тѣмъ сказано было совсѣмъ и не такъ, какъ старообрядецъ заявляетъ; но заводить объ этомъ споры, значитъ только время оттягивать, что старообрядцу и на руку; поэтому и не входишь въ споры, а соглашаешься условно,—что «если сказано было такъ, то не вѣрно, а нужно вотъ какъ и вотъ какъ,—простите, что обмолвился» и направляешь бесѣду на разъясненіе поставленнаго вопроса.

И такъ не въ одномъ Петербургѣ и не теперь только, а вездѣ и всегда. Поэтому-то и желательно, чтобы люди развитые, хотя и въ сторонѣ стоящіе, люди

вліяющіе и на общественное мнѣніе, и близкіе или призванные къ власти, но отъ которыхъ закрытъ, которымъ мало извѣстенъ истинный характеръ раскола,—чтобы эти люди свидѣтелями были живой бесѣды, въ коей наглядно обрисовывается характеръ и лицъ, и ученія. Нигдѣ они не увидятъ своими глазами и не услышатъ своими ушами, какая вражда къ православной Церкви коренится у этихъ, яко-бы незлобивыхъ людей, и сколько усилій требуется и терпѣнія тушить этотъ пламень. Не намъ его поддерживать, не намъ раздражать ихъ; они стараются раздражить насъ, дабы потомъ надъ нами-же посмѣяться, намъ-же урокъ терпѣнія преподать. Запальчивость, рѣзкость и особенно грубость миссіонера для нихъ лучшая находка; въ ней они увидятъ торжество своего дѣла и много лѣтъ будутъ носиться съ нею и выставлять ее на показъ.

Такимъ образомъ, возбужденный къ бесѣдамъ интересъ и съ этой стороны доказываетъ доброе стремленіе столичной публики, и намъ-ли не благодарить

ее за ту честь, какую она оказала своимъ вниманіемъ, намъ-ли не утѣшаться, что все имѣющее отношеніе къ Церкви живо ее интересуетъ.

3) Слово къ старообрядцамъ. Одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ, нѣкто Хрусталевъ, въ присланномъ мнѣ письмѣ, заявляетъ: «Имѣя въ виду то, что хорошо разсуждать о дѣлахъ житейскихъ, но еще лучше *о спасеніи души*, потому что Христосъ сказалъ: едино есть на потребу, о единомъ и нужно заботиться,—*о спасеніи души*. Кая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу-же отщетитъ, или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою (Матѳ. зач. 69)? А объ этомъ-то, о главномъ-то, *о спасеніи души* и нужно пещись, чтобы не погубить душу свою на страшномъ судищѣ Христовомъ и не остаться неключимыми рабами» (Матѳ. зач. 105).

Итакъ, вы—надѣюсь, подобно вамъ, и другіе—заботитесь единственно о спасеніи своей души и съ этимъ чувствомъ идете на бесѣду?—Чего-же лучше!—Но если васъ одушевляютъ столь высокія, столь святыя побужденія, то какъ прежде

всего могу я объяснить то обстоятельство, какимъ сопровождалось самое полученіе мною письма. Письмо я получилъ въ конторѣ Общества, предъ бесѣдою 30 декабря, и не ознакомился съ его содержаніемъ. Начавъ бесѣду о безпоповщинскомъ согласіи, я услышалъ отъ тебя (обращаюсь къ Хрусталеву) настойчивое требованіе немедленно прочитать письмо предъ всѣми и разсмотрѣть его, оставивъ предметъ бесѣды. Когда я сказалъ, что письмо еще и не прочитано мною, ты не хотѣлъ этому повѣрить и посылалъ по моему адресу насмѣшливые попреки. Когда, затѣмъ, письмо было передано о. предсѣдателю Общества не вскрытымъ, для предварительнаго просмотра и опредѣленія, подходитъ-ли оно по содержанію своему къ предмету бесѣды, ты и послѣ этого продолжалъ утверждать, что письмо было мною прочитано и, вѣроятно, произвело на меня впечатлѣніе, какъ нѣчто подавляющее, неопровержимое; такъ выходило изъ разныхъ намековъ. Письмо оказалось длиннымъ, и мы, чтобы не отклониться съ одной стороны отъ пред-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных наук
Академии Наук СССР

мета бесѣды, а съ другой, чтобы и удовлетворить, сколько позволяло время, столь настойчивому требованію, просили передать вкратцѣ главныя мысли письма и наиболѣе существенные вопросы и сомнѣнія, но услышали въ отвѣтъ: «читай письмо, тамъ все написано; это—документъ». Ради чего, могу теперь спросить, все это говорилось?.. Человѣкъ, которому дорого спасеніе души, развѣ будетъ столь настойчиво-требовательнымъ и при томъ—насмѣшливымъ? Развѣ трудно ему пообождать отвѣта на запросы и разъясненія сомнѣнія день, или два? Не поинтересуется-ли онъ, наконецъ, послушать и нѣчто другое, о чемъ не вопрошалъ,—въ терпѣніи, что и онъ забытъ не будетъ, и въ надеждѣ, не проникнетъ-ли и отсюда, изъ настоящей бесѣды, прямо его не касающейся,—свѣтлый лучъ истины? Да и какъ понять, наконецъ, то, что своихъ сомнѣній и запросовъ авторъ письма не можетъ выразить въ немногихъ словахъ, просто и прямо, пока не обосновывая ихъ—сомнѣній и запросовъ, которые больно отзываются въ

сердцѣ вѣрующаго и спасенія ищущаго, которые мутятъ и тяготятъ его совѣсть? Болящій о спасеніи души, жаждущей онаго, развѣ не въ силахъ обнаружить болѣзнь, которая его тяготитъ, развѣ не сможетъ раскрыть язвы и томленія своей души? Видится здѣсь что-то другое. Замѣчается здѣсь не чувство смущенія и боли, а сознаніе здоровья и полноты силъ, чѣмъ и похвалиться хочется, какъ можно, скорѣе, хочется, не медля, сказать и показать, что я—здоровъ, а болѣнъ ты и я хочу исцѣлить тебя, направивъ на путь спасенія. Что-же? И это хорошо и честно, хотя и нетерпѣливо; и такое рвеніе уважить и полюбить даже можно, и мы готовы это сдѣлать... Но что̀—въ этомъ «документѣ», о которомъ такъ много говорилось, что онъ далъ новаго, намъ неизвѣстнаго,—и спасительнаго?.. На бесѣдѣ 1 января, въ новый, только-что наступившій, годъ «документъ» прочитанъ, но ничего новаго, никакого «новаго счастія» онъ не доставилъ ни намъ, ни другимъ. Въ защиту старообрядческаго поповщинскаго согласія (документъ составленъ

поповцемъ) въ немъ оказались очень странныя разсужденія, хотя и не совсѣмъ новыя, съ которыми мы и раньше встрѣчались въ нѣсколько иной формѣ, болѣе приглаженной. *Первое*, мы прочитали, что епископы и священники имѣютъ «равную самостоятельность и что первые въ отношеніи послѣднихъ не суть главы, но братія». «Но какимъ образомъ пишетъ св. Епифаній, пресвитеръ можетъ быть равнымъ епископу» (на ересь 75). И дѣйствительно, по выраженію толковника 55 прав. св. апостолъ, епископъ именно главою именуется, а пресвитеры суть руки, посредствомъ коихъ епископъ правленіе содѣваетъ. Посему пресвитеры, по 39 правилу св. апостолъ, ничего и совершать не могутъ безъ воли епископа, тому бо суть поручени людіе Господни (см. въ Кормчей). Поэтому-то и св. Кипріанъ училъ, что «церковь держится на епископахъ, какъ на своихъ подпорахъ». Отними подпоры въ зданіи и оно необходимо покачнется и искривится. Поэтому-то церковь, даже мѣстная,—безъ епископа именуется вдов-

ствующею, безглавою, слѣпотствующею. По этому-то одинъ преподобный писатель (Никонъ черногорскій) прямо говоритъ: «егда нѣстъ ту архіерея, таковымъ не дается Духъ Святый» (стр. 14 (об.).

Второе, въ письмѣ мы прочитали слѣдующее: «У насъ (т. е. старообрядцевъ) хотя и не было почти 180 лѣтъ епископовъ, но мы вѣровали въ обязанность епископства, и по этой вѣрѣ епископство у насъ не прекращалось, потому что были его обязанности». Скажите сами, что это—такое: «не было», но «не прекращалось»; «были обязанности», но вѣдь эти обязанности не исполнялись у старообрядцевъ; «вѣровали въ обязанность епископства», но въ обязанности мало вѣровать, ихъ нужно исполнять.—Что, если-бы всѣ состоящіе на государственной, или на частной службѣ, перестали-бы исполнять обязанности, удовольствовавшись однимъ признаніемъ этихъ обязанностей (вѣровали въ оныя), какая другимъ была-бы отъ этого польза, да и сами они за что стали-бы получать вознагражденіе?—Вотъ, по истинѣ, были-бы

лукавые рабы, въ благовѣстникѣ упоминаемые, которыхъ столь долго искали и котораго, къ слову сказать, единъ изъ васъ старообрядцевъ (говорятъ Забаловъ), приславшій мнѣ письмо послѣ бесѣды 7 января, нашелъ во мнѣ, такъ прямо и написалъ: «вотъ ты, Николай Ивановичъ, и есть лукавый рабъ».— Будемъ знать это на будущее время, а не искать въ видѣ цѣлаго чина епископовъ, какъ того вамъ хотѣлось. Теперь-же замѣтимъ, что епископство не для того учреждено, чтобы только вѣровали въ него, или въ его обязанности, а того ради, чтобы епископы куплюдѣяли, управляли церковію Христовою, сообщали вѣрующимъ дары благодати Духа Святаго, а вѣрующіе члены церкви почерпали-бы, чрезъ нихъ и священниковъ, ими рукоположныхъ, эти дары. Итакъ, въ Христовой, по мнѣнію старообрядцевъ, церкви обязанности епископства, сирѣчь служеніе епископское не исполнялось, исполнялось-же сіе служеніе у еретиковъ и отъ нихъ-то старообрядцы получали дары благодати, съ обязанностями епископства соединен-

ныя. И была Христова церковь 180 лѣтъ въ зависимости отъ епископовъ-еретиковъ. Домъ Божій окормлялся, и врата къ небу открывались прислужниками, бѣжавшими изъ чужаго дома, тамъ и права свои получившими; живущіе-же въ Домѣ Божіемъ были рады и этимъ чужимъ слугамъ. Не имѣя въ своемъ домѣ старшихъ домоправителей (епископовъ), а только вѣруя, что они быть должны, они волей-неволей и зависѣли отъ этихъ домоправителей чуждаго дома, отъ коихъ, по разнымъ причинамъ, бѣжали младшіе слуги; безъ нихъ они погибли-бы. Вотъ что выходитъ изъ всего этого вздора о зависимости Христовой церкви отъ епископовъ-еретиковъ.—Эту вздорную мысль мы и прямо слышали на бесѣдѣ 2 января изъ чтенія какой-то тетрадки Забаловымъ, слышали нѣсколько разъ, что «церковь Христова, въ теченіе 180 лѣтъ находилась въ зависимости отъ еретическихъ епископовъ». Сейчасъ мы назвали это вздоромъ, и это мягкое, очень мягкое выраженіе. На самомъ дѣлѣ такое мнѣніе граничитъ съ богохуле-

ніемъ. Не только думать, но и громко, ов всеуслышаніе исповѣдывать, что Домовладыка—Христосъ оставилъ Свой домъ при чужихъ приставникахъ, Женихъ церкви поручилъ Свою обручницу чужимъ, непріятельскимъ дружкамъ, Божественный Глава сталъ питать Свое тѣло чужими соками;—подумайте, съ чѣмъ это сообразно, и къ чему ведетъ это, какъ не къ умаленію силы Христовой?!.

Людямъ, ищущимъ спасенія души, если и свойственно, по легкомыслію, бросать иногда подобными фразами, то совсѣмъ уже не свойственно отстаивать ихъ и упорствовать на этомъ. И вы, собесѣдники мои—старообрядцы, должны немедленно, съ слезами покаянія, бросить ихъ. Въ противномъ случаѣ ваше увѣреніе, яко-бы вы только о спасеніи души заботитесь, будетъ однимъ глумленіемъ. Не глумитесь-же надъ собою!

Далѣе, въ томъ-же письмѣ написано: «еще повторю, что ни въ словѣ Божіемъ, ни въ писаніяхъ св. отецъ не содержится безусловнаго обѣтованія о томъ, что епископы въ церкви Христо-

вой будутъ продолжаться непрерывно, до скончанія вѣка. Напротивъ, Писаніе повелѣваетъ обуемую соль выбрасывать». Такимъ образомъ означенное выше мнѣніе, что «церковь Христова находилась въ зависимости отъ епископовъ-еретиковъ», поддерживается яко-бы отсутствіемъ положительныхъ свидѣтельствъ о вѣчно-непрерывномъ существованіи епископовъ,—коихъ, какъ соль обуемую, нужно выбрасывать. Такъ ли это?.. Правда, что буквально нѣтъ такихъ выраженій, что епископы будутъ существовать въ Христовой церкви непрерывно до скончанія вѣка, или:—священники будутъ вѣчны, или:—діаконы; но во 1-хъ, есть несомнѣнныя удостовѣренія о вѣчности священства Христова вообще, которое въ томъ и заключается, что «Христосъ, изъ мертвыхъ возставъ, апостоловъ Своихъ освяти хиротоніею, еже есть рукоположеніемъ, апостолы убо епископовъ освятиша, а сіи паки поповъ. Се имаши іерейство Христово» (Кирилл. кн. л. 77). Да и въ частности относительно епископовъ вы слышали обѣтованіе, что

Господь будетъ пребывать съ ними до скончанія вѣка (кн. о Вѣрѣ, л. 59 об.). Слышали при этомъ и слова св. Златоуста, что обѣтованія Божіи, церкви касающіяся, имѣютъ силу несомнѣнныхъ удостовѣреній, такъ какъ «глаголяй», т. е. Господь, давшій обѣтованія, «чудодѣйствоваше» [1]). И блаженный Августинъ свидѣтельствовалъ, что «церковь отъ временъ самихъ апостоловъ, чрезъ извѣстнѣйшія *преемства епископовъ*,—*имѣющія продолжаться на всѣ послѣдующія времена*, сохраняетъ и приноситъ Богу жертву хвалы въ таинствѣ тѣла Христова» (противъ противниковъ закона и пророковъ, ап. 1-е, число 39. См. у Озерск. ч. I, стр. 61). Наконецъ, сознаніе вѣчности священства въ Христовой церкви,—именно священства, а не священниковъ только,—не чуждо и старообрядческому міру и временами громко провозглашалось поповцами, пріемлющими бѣлокриницкую іерархію. Въ извѣстномъ окружномъ посланіи проповѣдуется: «Святая православная каѳолическая церковь и свя-

[1]) Бес. на 14 посл. Кіевъ. 1623, стр. 598.

щенство, вкупѣ съ приношеніемъ безкровныя жертвы, пребудетъ до скончанія вѣка и до дня суднаго, по неложному обѣтованію Господню», и при этомъ дѣлается ссылка на ту-же Кириллову книгу, л. 77. Еще позднѣе извѣстный писатель и защитникъ раскола,—именно защитникъ раскола или раздора съ церковію,—Арсеній Швецовъ напечаталъ книгу, подъ названіемъ «Истинность старообрядствующей іерархіи»; въ этой книгѣ цѣлую главу посвящаетъ онъ тому, чтобы доказать вѣчность Христопреданнаго священства. «Безпоповцы, пишетъ онъ, говорятъ: душевно и мы желали-бы пользоваться благодатію священства, но гдѣ-же взять ее, когда отпаденіе отъ истинной Христовой вѣры всѣхъ епископовъ во время царя Алексѣя Михайловича ее въ конецъ уничтожило? Мы-же, говоритъ онъ отъ себя, рожди истинной лозы Христа... вѣруемъ, что Христосъ установилъ священство не временное, а вѣчное, и не допускаемъ, чтобы оное, *когда-либо и гдѣмъ-либо* (скажемъ, напримѣръ, еретичествомъ) могло разориться». Затѣмъ

слѣдуютъ доказательства и заключеніе, что «если вѣчно евангеліе, то вѣчно и священство, отъ Христа апостоломъ преданное, а ими въ лицѣ ихъ преемниковъ продолжаемое» и что «*даръ священства Христова* не зависитъ отъ достоинства лицъ, пріемлющихъ оный»[1]). Опять замѣтьте: «даръ священства», а не священники или пресвитеры.

«Теперь можемъ спросить и Швецова и его единомышленниковъ: гдѣ-же пребывалъ этотъ даръ священства отъ лѣтъ п. Никона до Амвросія?.. Ужели Господь отнялъ его отъ Своей церкви, Глава отъ Своего тѣла, Женихъ отъ своей обручницы и подарилъ еретикамъ, безблагодатному, сирѣчь мертвому тѣлу, чужой невѣстѣ?.. Кажется всего этого достаточно было-бы и моимъ собесѣдникамъ, старообрядцамъ,—поповцамъ,—мало замолчать, а искренне, всей душей проникнуться мыслію, что священство Христово, съ епископами во главѣ вѣчно должно пребыть въ Христовой церкви, проникнуться самимъ и въ томъ-же убѣждать безпоповцевъ,

[1]) Стр. 95—97, Снес. и стр. 180.

а не выступать ихъ защитниками, какъ-то было очень замѣтно на бесѣдахъ. Такъ по крайней мѣрѣ поступаютъ тѣ, которые дѣйствительно ищутъ истины, о спасеніи души своей заботятся, какъ сказалъ Хрусталевъ въ своемъ письмѣ.

Еще о выраженіи «непрерывно», находящемся въ письмѣ. Понятіе непрерывности заключается въ понятіи вѣчности. Вамъ особенно, послѣдователямъ бѣлокриницкой іерархіи, подумать слѣдуетъ, какъ прерванное священство съ благодатіею хиротоніи, могло и возстановиться, какъ порванная нить или, какъ я на бесѣдѣ сказалъ,—ниточка могла быть связана (употребленіе, по чему-то очень не понравившееся извѣстному собесѣдникамъ слѣпцу-старообрядцу), какъ пересохшій ручей могъ бы снова давать воду. Для этого необходимо оборванную нитку связать, а для высохшаго ручья открыть новый источникъ. Сіе означаетъ, что и для возстановленія прерваннаго ручья благодати хиротоніи,—благодати, а не формы только,—необходима новая пятьдесятница. Гдѣ она?.. Гдѣ источникъ новый? Ужели

въ Амвросіѣ и его пріемѣ? Но вѣдь онъ и самъ былъ не болѣе, какъ орудіемъ благодати, источникомъ же никогда быть не могъ.

Что касается еще соли обуялой, о которой вы такъ любите говорить,—точно въ этомъ какой-то секретъ открыли,—то спрашивалъ я васъ на бесѣдѣ и опять спрошу: Кто ее, эту соль обуялую въ домѣ моемъ или вашемъ выбросить можетъ? На бесѣдѣ вы какъ-будто удивлены были этимъ вопросомъ, точно онъ—какой-то непонятный, или придирчивый. А вѣдь само собою ясно, что выбросить испортившуюся соль въ моемъ, или въ вашемъ домѣ можетъ только хозяинъ, или хозяйка дома, а не прислуга самовольно и безъ вѣдома хозяина, а тѣмъ паче не дворникъ съ чужаго двора. Кто—хозяева въ церкви Христовой, или точнѣе, кто тѣ «рабы, коимъ церкви поручены (благов. на Лук. зач. 95), вы знаете, обуялую-же соль, не знаю, кому вы препоручаете выбросить.—Ужъ не самимъ-ли себѣ,—бывшимъ нѣкогда простымъ жильцамъ въ домѣ Божіемъ, а теперь работни-

камъ съ чужаго двора, убѣжавшимъ изъ стараго дома. Затѣмъ, какой хозяинъ, выбросившій испортившуюся соль, не пошлетъ купить хорошую, а останется жить безъ соли?—По словамъ благовѣстника, соль предохраняетъ отъ червей согнитія (благов. на Матѳ. ап. 5). Вы-же, старообрядцы, много и часто толкуете о соли обуялой, а о необходимости хорошей соли какъ-будто и разсуждать не желаете; точно она вамъ была и не нужна; 180 лѣтъ вы жили безъ соли, или съ обуялою, т. е. испортившеюся уже солію изъ чужаго дома, которую крали съ чужаго двора и перемывали, не имѣя на то никакого права. Такъ и «Амвросія, какъ соль обуялую, тайно взяли и яко-бы перемыли, очистивъ и освятивъ мvромъ,—въ сущности и не мvромъ, а простымъ масломъ. Затѣмъ, вы очистили лицо, имущее благодать епископства, при посредствѣ другого лица, іеромонаха, не имущаго права «какъ хиротонисать, такъ и испадшаго», — чрезъ грѣхъ, или ересь,—«на степень священства паки возвращати» (предисл. къ номокан. въ

Іосиф. Потребникѣ), по всему этому подумайте и посмотрите, не завелись-ли уже издавна черви въ вашемъ старообрядческомъ домѣ, и не подтачиваютъ-ли онѣ болѣе двухъ сотъ лѣтъ вашу духовную жизнь?! Все это было вамъ сказано и, кажется, ясно сказано, и человѣкъ, заботящійся о спасеніи души, безъ труда понялъ-бы все это и сокрылъ въ своемъ сердцѣ. Храните-ли вы все сіе, не знаю.

Обращаю ваше вниманіе еще и на то, откуда, изъ какого источника,—изъ желанія ли душу спасти,—происходило слѣдующее. Заявляли и прежде и теперь, заявляли публично предъ всѣми, значитъ правду говорили, что одинъ изъ васъ, постоянно выступавшій на защиту своихъ убѣжденій (Забаловъ), говорилъ: «нужно его, т. е. Николая Ивановича, тиранить вопросами, да говорить ему не давать». И телерь люди, знающіе вашъ бытъ разсказываютъ, что вы сходились совѣщаться не о томъ, чему послѣдовать, чтобы душу спасти, а о томъ, какъ бесѣду замять, не слушать того, что говоритъ собесѣдникъ, а сколь воз-

можно больше говорить, или читать, спрашивать и спрашивать безъ конца, на отвѣты же не обращать вниманія, никакими разъясненіями не удовлетворяться, а только повторять: «вы остались безотвѣтны», «Николай Ивановичъ отвѣта не далъ»,—хотя отвѣтъ и давался и нѣсколько разъ повторялся. Все ли такъ происходило въ совѣтахъ вашихъ, я не знаю навѣрное, да это и не важно; важно—то, что на бесѣдахъ такъ это было точь-въ-точь. Напомню кое-что не многое. Припомните, какъ на нашъ вопросъ: законно ли совершали бѣжавшіе отъ православной церкви попы тайну покаянія, Забаловъ сталъ читать тетрадку, о которой мы уже упоминали, — въ коей нѣсколько разъ говорилось, что Христова церковь 180 лѣтъ находилась въ зависимости отъ еретическихъ епископовъ, о тайнѣ же покаянія—ни слова. Онъ читалъ и читалъ (остановить мы не могли), читалъ до тѣхъ поръ, пока присутствовавшіе громко заявили неудовольствіе и потребовали прекращенія чтенія, Забаловъ сначала противился, но дол-

женъ былъ уступить. Онъ сѣлъ (читалъ стоя), сѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало, даже, видимо, довольный тѣмъ, что успѣлъ затянуть бесѣду. Припоминаю еще, какъ я спросилъ собесѣдника—Морозова, что-то мнѣ отвѣчавшаго не на вопросъ и возражавшаго не на предметъ: «слышалъ ли онъ, что я сказалъ»? Собесѣдникъ смѣло отвѣтилъ, что онъ слышалъ и знаетъ. Я попросилъ его повторить; повторить онъ не могъ ни одного слова, потому что на самомъ дѣлѣ не слушалъ, что я говорилъ, а придумывалъ, что бы еще ему самому сказать. Давно я замѣчалъ, что старообрядцы измѣряютъ достоинство бесѣды не тѣмъ, что говорится, а много ли кѣмъ сказано. Такъ ли поступаютъ люди, о спасеніи только души заботящіеся?

Къ чему въ концѣ концовъ привело это желаніе ваше говорить, возражать и обвинять во что бы ни стало, все оспаривать, и ни съ чѣмъ не соглашаться? Вы,—ревнители благочестія, хвалящіеся своею ревностію по «старой вѣрѣ», строго блюдущіе преданіе свв.

отецъ, договорились, въ жару оспариванія и обвиненій, прямо до неблагочестивыхъ, еретическихъ мнѣній. Морозовъ нѣсколько разъ повторилъ, что святые—безгрѣшны; онъ и другой утверждали, что Божество и вознесеніе Іисуса Христа—одно и тоже, выходило, что Онъ вознесся по Божеству, или, какъ выразился третій изъ васъ, вознесся духомъ. И ради чего все это? А ради того, чтобы доказать неизмѣнность двуперстнаго сложенія,—такъ какъ патріархъ Іовъ не согласно съ другими толковалъ значеніе двухъ перстовъ,—чтобы отвергнуть святость Аѳанасія, патріарха Цареградскаго (17 в.), троеперстно молившагося. Предлагаемыя мною разъясненія проходили какъ бы незамѣченными и заглушались громкими утвержденіями означенныхъ не благочестивыхъ мнѣній.

Видя, что предлагаемыя нами разъясненія дѣйствуютъ слабо, 7 января, предъ бесѣдою мы попросили, послѣ обычной церковной пѣсни, пропѣть: «Воскресеніе Христово видѣвше» и «Во гробѣ плотски». Когда зало было оглашено исповѣданіемъ Единаго без-

грѣшнаго, а равно и той истины, что и тогда, какъ Богочеловѣкъ плотію былъ во гробѣ, душею во адѣ,—Божествомъ Онъ пребывалъ на престолѣ со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй,—мы, поблагодаривъ собравшихся за правое исповѣданіе вѣры, обратились къ вамъ—моимъ собесѣдникамъ уже со словомъ обличенія. Вы какъ будто и устыдились, но сознаться въ погрѣшности не хотѣли; одинъ изъ васъ сталъ запираться, какъ бы онъ и не говорилъ того, что тысячи слышали, запираться предъ всѣми, и снова хотѣлъ говорить и говорить, въ явномъ расчетѣ замять непріятное обличеніе. Но въ виду того, что онъ сознаться въ ошибкѣ и раскаяться не хотѣлъ, а старался запираться,—мы уже отказались съ нимъ вести бесѣду и нѣкоторое время не говорили, но потомъ сочли благоразумнымъ «преложить», какъ мы выразились, «гнѣвъ на милость» и вступили въ бесѣду, посовѣтовавъ предварительно, чтобы онъ велъ себя скромнѣе, на языкъ былъ воздержнѣе и не договаривался до неблагочестивыхъ мыслей.

Добавлю вамъ теперь: я не думаю, что вы—сознательные еретики, но не замѣчаете ли сами, куда, въ какія дебри заводитъ васъ вражда къ церкви. Чтобы поддерживать въ себѣ и въ другихъ эту вражду, вы ни предъ чѣмъ не останавливаетесь; и попреками сыплете и оскорбленія наносите, и до ереси договариваетесь,—а еще о любви, какъ существенномъ признакѣ Христовой церкви толковать хотѣли и по ней опредѣлить истинную церковь! Со стороны видится, да и сами вы, если въ силахъ еще очнуться,—посмотрите и увидите, что любовь и спасеніе души у васъ только на словахъ и на бумагѣ. Подумайте, куда вы и другихъ ведете, и не правду ли,—горькую, но святую правду сказалъ о васъ въ своемъ письмѣ всѣмъ извѣстный и всѣми почитаемый Кронштадтскій пастырь?!... [1]).

Въ заключеніе обращаюсь къ тѣмъ старообрядцамъ, которыхъ въ залѣ собесѣдованій видѣлъ, но голоса которыхъ

---

[1]) Письмо это, вѣроятно, хорошо извѣстно и старообрядцамъ. См. «Дух. Вѣстн.» № 6, 1897 года.

не слышалъ. Не могу, конечно, сказать, съ какимъ настроеніемъ вы слушали собесѣдованія и съ какими чувствами уходили,—чужая душа—потемки. Но хорошо уже то, что вы ходили на собесѣдованія и слушали, что говорилось. Кто знаетъ, можетъ быть что-нибудь доброе, вамъ неизвѣстное, и запало въ душу,—пусть не много, и то слава Богу. Но при этомъ мнѣ хотѣлось бы и заглянуть нѣсколько по-глубже. Очень вѣроятно, что среди васъ были люди разныхъ взглядовъ и убѣжденій, люди не одинаковаго настроенія, поэтому и не одинаковыми чувствами волновавшіеся. Хотѣлъ бы прежде всего спросить васъ, отчего вы были такъ молчаливы, столь, повидимому, безучастны къ тому, что говорилось, не могу же я представить, чтобы на самомъ дѣлѣ вы оставались совершенно равнодушными, не волновались никакими чувствами,—ни чувствами радости, ни чувствами печали и огорченія; не можетъ этого быть. Весь вопросъ и весь интересъ въ томъ, чему вы радовались, или чему могли бы порадоваться и о чемъ скорбѣли;

если радовались о томъ, что узнали то, чего прежде не знали, убѣдились въ томъ, въ чемъ ранѣе сомнѣвались, радовались появленію свѣта послѣ сумрака, водворенію спокойствія и увѣренности послѣ душевнаго смущенія;—то сія радость отъ Господа и этой радости никтоже возьметъ отъ васъ. Но если вы радовались тому, что вашимъ говорунамъ удавалось много говорить, наводить туману, отыскать ничтожную въ существѣ придирочку, вѣры и благочестія не касающуюся, и хоть на минуту поставить въ затрудненіе собесѣдника; если скорбѣли только о неудачахъ вашихъ представителей; то и радость ваша и скорбь ваша не отъ Господа. Ибо въ разсужденіяхъ о предметахъ вѣры и церкви цѣлію должно быть исканіе истины, а отсюда и радость — не въ словесной побѣдѣ и скорбь — въ пораженіи, а въ просвѣтленіи ума и въ смягченіи сердца. Если радость ваша была не о свѣтѣ и истинѣ, то и хватитъ ее развѣ на одинъ часъ, пока не заговоритъ совѣсть и не скажетъ, что ничего новаго, утѣшитель-

наго и отраднаго ты не получилъ, что въ умѣ прежняя пустота, а въ сердцѣ старая злоба и только въ ушахъ осталась стрелкотня отъ массы выброшенныхъ громкихъ словъ, подскажетъ она, эта совѣсть твоя, что не уясненію истины ты радуешься, а какой-то пустой побѣдѣ. Съ другой стороны, если и скорбѣли вы не о томъ, что вышли съ бесѣды съ прежнимъ туманомъ въ головѣ и съ прежнею враждою въ сердцѣ, а о томъ, что не удалось волю свою поставить, ужалить собесѣдника хотя въ пяту, правоту свою показать во что-бы ни стало, то та же совѣсть заговоритъ: «да есть ли еще у тебя эта правота, и развѣ въ томъ твое спокойствіе и спасеніе, если бы тебѣ удалось ужалить другаго»? И такіе запросы совѣсти еще болѣе усилятъ скорбь вашу. Такимъ образомъ, если ложная радость кратковременна, то лживая скорбь можетъ продолжиться безъ конца, раздражая чувство и ожесточая душу. Въ концѣ и совѣсть можетъ заглохнуть и останется только злобное раздраженіе и муки безсилія. Совѣстію обязуюсь предупредить

васъ объ этомъ душепагубномъ состояніи.

Избирали-ли вы моихъ собесѣдниковъ, которые вели бесѣды, какъ своихъ представителей, или они явились случайно, сами отъ себя, я не знаю. Но чего было-бы лучше, если-бы сами вы,— каждый изъ васъ,—лично заявляли свои сомнѣнія и недоумѣнія, предлагали вопросы, и высказывали возраженія, не выходя, конечно изъ рамокъ избраннаго предмета и соблюдая очередь, дабы не нарушать порядка. Какъ задушевна, какъ полна искренняго убѣжденія и поэтому, какъ полезна была-бы такая бесѣда! Она могла быть бесѣдою просто дружескою, бесѣдою братьевъ, когда-то поссорившихся и разошедшихся, но опечаленныхъ этою размолвкою и ищущихъ примиренія посредствомъ разъясненія недоразумѣній. Я радъ былъ-бы, если-бы вы стали предлагать и вопросы посторонніе, о которыхъ можно было-бы, не нарушая порядка рѣчи, назначать особыя бесѣды.

Жалѣю отъ души, что, вмѣсто откровенности, вы подарили меня гробовымъ молчаніемъ.

Бесѣды вели старообрядцы поповщинскаго согласія. Но не могли-же они быть защитниками тѣхъ изъ васъ, которые священства не имѣете (безпоповцы). Можетъ быть, вы думали и теперь еще думаете, что любой, какого угодно согласія, начитанный старообрядецъ можетъ быть защитникомъ всего старообрядства,—вѣдь пишутся-же цѣлыя книги въ оправданіе старообрядства!— Нѣтъ ничего фальшивѣе такого мнѣнія, нѣтъ ничего болѣе наивнаго, чѣмъ такая надежда. Старообрядство въ настоящемъ его состояніи не есть нѣчто единое и сплоченное; подъ это имя подходитъ цѣлая группа весьма разнообразныхъ явленій, начиная отъ нашего единовѣрія, продолжая поповствомъ и кончая безпоповщинскимъ бѣгунствомъ. Съ другой стороны и оправдывать нужно собственно не старообрядство, какъ церковію признанное и допущенное, а расколъ или отдѣленіе отъ церкви, вслѣдствіе чего и появились многочисленныя согласія, или общества, не сообщающіяся между собою и признающіе другъ друга заблудшими. Вы надѣялись на защиту

поповцевъ, но не даромъ я показывалъ вамъ, какъ обзываютъ они печатно и васъ, и ученіе ваше. Они называютъ его «неправильнымъ», «заблужденіемъ», богопротивнымъ «мудрованіемъ», «ядомъ мудрованія», «богохульнымъ мудрованіемъ», «баснословіемъ», «ученіемъ душепагубнымъ», «крестохульнымъ», «еретическимъ». И называется такъ ученіе ваше не частными только писателями, а въ «Окружномъ посланіи единыя святыя, православныя, древле-каѳолическія церкви», подписанномъ представителямъ всего согласія поповцевъ. А извѣстный Арсеній Швецовъ обзывалъ его самымъ нелѣпымъ злоученіемъ, замерзшею зміею, ядомъ, путемъ къ безднѣ и сатанѣ (истин. стар. іер. стр. 210—211). Это-ли защитники ваши?!. Да по правдѣ сказать, и вы-то не очень ихъ жалуете. Не знаю, какъ у васъ, въ Петербургѣ, а у насъ, когда поповцы корили безпоповцевъ за неимѣніе священства, безъ коего, по катихизису, и спасеніе невозможно и значитъ они—безпоповцы должны идти въ геенну огненную; то послѣдніе съ своей стороны замѣчали и

разъясняли; «положимъ, что мы не имѣемъ купли священства, вы-же хвалитесь, что имѣете оную; но откуда она? Своя, т. е. исконная Христова и ваша, или чужая? Положимъ, мы лишены мнасовъ (монетъ), дабы куплю производить, вы-же надѣлали фальшивыхъ. Скажите: кого болѣе судить будутъ: —тоголи, у кого нѣтъ денегъ и онъ, скажемъ, бѣдствуетъ, или того, кто пускаетъ въ оборотъ поддѣльную монету, да ею-же и хвалится. Видится, по сему, что если мы (безпоповцы) должны, по писанію, идти въ геенну, то вы (поповцы), обличенные въ поддѣлкѣ фальшивой монеты—прямо въ руки Іуды-предателя». Что-же временами, и не рѣдко, столь тѣсно васъ соединяетъ? Не иное что, какъ опять та-же вражда къ православной Церкви, вражда, препятствующая вамъ посмотрѣть на дѣло просто и обсудить спокойно. Замѣчательное дѣло, вы толкуете о находящихся яко-бы въ церкви ересяхъ, но никакихъ ересей, т. е. не православнаго исповѣданія вѣры, прямо не указываете, сами-же, какъ видѣли и слы-

шали, до еретическихъ мнѣній договариваетесь;—толкуете о проклятіяхъ, преслѣдованіяхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ,—которыхъ уже нѣтъ, а сами остаетесь все тѣми-же хульниками, рѣзкими и неправедными обличителями, а не рѣдко и преслѣдователями тѣхъ, которые отъ васъ зависятъ, и родительскія анаѳемы и притѣсненія за обращенія въ православіе и сейчасъ слышатся и видятся. Прочитайте о семъ статейку въ журналѣ «Странникъ» за 1894 годъ, подъ названіемъ «Причины устойчивости раскола» (томъ 3, стр. 655 и дал.).

Имѣю основаніе думать, что и вы, присутствовавшіе на бесѣдахъ старообрядцы, присутствовавшіе, но хранившіе молчаніе, и вы остались недовольны вашими защитниками. Но не судите ихъ строго; вина не въ нихъ, а въ силѣ истины и въ слабости неправды, которую по неволѣ приходилось имъ защищать одними ухищреніями по разуму человѣческому, а не по Христѣ, препретельными словесами, а не божественнымъ писаніемъ.

Простите, что я написалъ вамъ, что думалъ и чувствовалъ. Это могутъ принять на свой счетъ и тѣ, которые и совсѣмъ не ходили на бесѣды, а, въ чувствѣ самомнѣнія, сочли для себя грѣхомъ даже и послушать другихъ;— это постоянно и повсюду внушаютъ вамъ наставники ваши, а иногда и епитиміи налагаютъ. Вы поступили лучше, явившись непосредственными, хотя и безмолвными, слушателями бесѣдъ. На будущее время, если Господь приведетъ еще быть у васъ, говорите сами, кому что хочется сказать, говорите прямѣе, проще, задушевнѣе.

Н. Ивановскій.

Казань.
12 февраля 1897 г.